

Positive and negative aspects introduction of digital technologies in law

V. N. Kartashov¹

¹P. G. Demidov Yaroslavl State University, 14 Sovetskaya str., Yaroslavl 150003, Russian Federation

Research article
Full text in Russian

The article deals with certain problems of the state and law that are positively or negatively affected by modern digital technologies. Intensive digitalization affects legal science and practice, all forms of the educational process, which requires changes in the tactics and strategy of theoretical research, scientifically-based recommendations to practicing lawyers, and modernization of work programs in each discipline.

Keywords: state sovereignty; state bodies; digitalization; law; digital law; legal system; information; Internet; virtual space; digital technologies

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Kartashov Vladimir N. | E-mail: kartazov@uniar.ac.ru
Doctor of Legal Sciences, Professor

Позитивные и негативные аспекты внедрения цифровых технологий в юриспруденцию

В. Н. Карташов¹

¹Ярославский государственный университет им. П. Г. Демидова, ул. Советская, 14, Ярославль, 150003, Российская Федерация

УДК 347.77

Научная статья

В статье рассматриваются отдельные проблемы государства и права, на которые позитивно либо негативно воздействуют современные цифровые технологии. Интенсивная цифровизация влияет на юридическую науку и практику, все формы образовательного процесса, что требует изменений в тактике и стратегии теоретических исследований, научно-обоснованных рекомендаций практикующим юристам, модернизации рабочих программ по каждой дисциплине.

Ключевые слова: суверенитет государства; органы государства; цифровизация; право; цифровое право; правовая система; информация; Интернет; виртуальное пространство; цифровые технологии

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Карташов Владимир Николаевич | E-mail: kartazov@uniar.ac.ru
Доктор юридических наук, профессор

Цифровизация затронула сущность государства, его формы, государственный аппарат, внутренние и внешние функции. Классическое определение государства заключается в следующем. Это *суверенная политико-территориальная организация особой публичной власти, внешне выраженная в специальном аппарате управления и принуждения.*

В связи с цифровизацией государства и отдельных его организаций и учреждений возникли определённые позитивные и негативные результаты, на которые необходимо обратить внимание юристов (учёных и практиков), студентов. Так, к числу положительных результатов следует указать на создание и развитие государственных электронных сервисов «Правосудие – для судов общей юрисдикции, «Мой Арбитр» – для арбитражных судов, системы избирательных технологий (электронные бюллетени, «Мобильный избиратель», ГАС «Выборы» и др.).

Указанные сервисы, интегрированные с порталом «Госуслуги», повысили оперативность использования электронных документов и материалов (заявлений, ходатайств, жалоб, сроков рассмотрения дел и пр.) в конкретной юридической практике.

Однако при изучении государства в условиях информационной среды и формирования с помо-

щью Интернета и других цифровых технологий виртуального пространства («киберпространства») государственный суверенитет (верховенство государственной власти внутри страны и её независимость на международной арене) становится существенно ограниченным, весьма аморфным свойством государства. По мнению А. В. Туликова, «киберпространство» не ограничено территорией только одного государства, оно существует наряду с «территорией земли, водным и воздушным пространством, определяющими суверенные границы государства» [1, с. 241]. Нейтральность и экстерриториальность Интернета в публичном праве «представляют настоящую «угрозу» государственному суверенитету, а социальные сети – патерналистически-вертикальной организации государства. Повсеместное распространение fake new – результат того, что новые технологии (Twitter, Facebook) «убрали» редактора и цензора как посредника между тем, кто говорит, и публикой – создаёт угрозу демократии...» [2, с. 16].

В ходе цифровизации изменяются сущность права, его источники и формы. Если традиционно к формально-юридическим источникам права относились нормативные правовые акты, нормативно-правовые договоры и пр., то для современных студентов, преподавателей и практикующих юристов источником права являются

информационно-справочные системы «Гарант», «Кодекс», «КонсультантПлюс» и другие. Многие формально-юридические источники размещаются в Интернете. Несмотря на то что эти комплексы не относятся к официальным формам опубликования права, мне думается, что это дело ближайшего будущего. Да и право не всегда верно определяется через его тесную связь с государством и принудительную силу государства [2, с. 15; 3, с. 115].

В цифровой среде и виртуальном пространстве многие учёные-юристы «забыли», что право формируется не только компетентными государственными учреждениями, но и органами местного самоуправления, общественными организациями и объединениями, корпорациями и различными фирмами. В связи с этим право обеспечивается как государственным принуждением, так и мерами, характерными для негосударственных субъектов правотворческой практики. На это ещё в начале XX века обращал внимание Е. Эрлих [4, с. 28–48, 61–62].

Возникает весьма существенная проблема, которая связана с механизмом регулирования виртуальных отношений на национальном и международном уровнях. Расширяются сферы регулирования этих отношений и связей за счёт изменения в понимании природы права, когда в его юридическое содержание включаются не только государственные и негосударственные нормы права и иные нормативно-правовые предписания компетентных правотворческих органов, но и так называемое «мягкое право» (например, Принципы УНИДРУА, модельные и типовые «законы» и «кодексы», которые применяются в силу «разумности», «полезности» и «целесообразности»). К этим регуляторам добавляются технические стандарты, ГОСТы, экономические, политические, этические и другие социальные нормы и регламенты [5; 6].

Отдельные авторы пишут об «электронном праве», «цифровом праве», «кибернетическом праве», «интернет-праве». Тем самым сужается объект исследования цифровых технологий, поскольку по существу здесь речь идёт о правовой системе, которая состоит из следующих составных компонентов:

- а) *объективного права*, взятого в единстве содержания и форм его выражения;
- б) *юридической практики*, осуществляемой в рамках правовых отношений;
- в) *правосознания* (совокупности юридических идей, взглядов, представлений), которое находит выражение в праве, юридических практиках, правоотношениях и правовых культурах [7, с. 37–43].

В связи с этим возникают существенные теоретические, дидактические и практические погрешности. Поэтому цифровизация должна охватывать не только право (нормы и принципы права, легальные дефиниции и пр. нормативно-правовые предписания, «собранные» в отдельные институты и отрасли), но и различные юридические практики (правотворческую, правоприменительную), типы правовых культур (индивидуальную и профессиональную) и разновидности правосознания (психологию и идеологию).

В отечественной и зарубежной литературе неоднозначно рассматриваются место и роль «цифровых субъектов» права (правоотношений) [2; 3; 5; 8]. Моя позиция по данному вопросу такова. Нужно различать три типа «электронных субъектов» - роботов [6], а именно:

- *роботы*, включающие систему управления и интерфейсы систем управления (например, обмен с помощью голоса, зрения и т. п.); они условно подразделяются на промышленные и обслуживающие роботы в соответствии с их предназначением;

- *разумные роботы*, т. е. роботы с элементами искусственного интеллекта¹, выполняющие работу путём считывания данных из окружающей среды, взаимодействия с внешними источниками и адаптацией своего поведения (например, промышленные роботы, имеющие датчик изображения, чтобы захватить и положить объект на место, или мобильный робот с устройством предотвращения столкновения);

- *роботы-суперинтеллекты* (далее – РСИ) – это роботы, способные самостоятельно выполнять творческие функции без участия интеллекта человека, уметь делать выводы с учётом предыдущего опыта и принимать решения полностью в автономном режиме.

Только РСИ может иметь статус коллективного субъекта права. Именно эти роботы, наряду с их инвесторами, исследователями, разработчиками, производителями, собственниками, владельцами, пользователями и третьими лицами, несут солидарную юридическую ответственность в случае правонарушений или превышения пределов разумной рискованной деятельности.

¹ Искусственный интеллект многие отечественные и зарубежные авторы рассматривают в качестве самостоятельной разновидности робота. На мой взгляд, искусственный интеллект – это интеллектуальные способности (свойства, характеристики) отдельных типов роботов. У одних эти «способности» могут быть очень высокими, у других – весьма низкими (о разных точках зрения по поводу понятия «искусственный интеллект» см. [9, с. 82–87])

В рамках российского гражданского законодательства (ст. 128 ГК РФ), по мнению А. А. Головиной, роботы можно рассматривать в качестве объектов права (правоотношений), как «вещи», в отношении которых могут совершаться различные сделки, а именно: дарение, купля-продажа, мена, наследование. Причём многие виды роботов автор причисляет к «источникам повышенной опасности» [8, с. 22–28].

В соответствии же с п. 1 ст. 1079 ГК РФ «юридические лица и граждане, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих (использование транспортных средств, механизмов, электрической энергии высокого напряжения, атомной энергии, взрывчатых веществ, сильнодействующих ядов и т. п.; осуществление строительной и иной связанной с нею деятельности и др.), обязаны возместить вред, причинённый источником повышенной опасности, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего. Владелец источника повышенной опасности может быть освобождён судом от ответственности полностью или частично также по основаниям, предусмотренным пунктами 2 и 3 статьи 1083 настоящего Кодекса».

Здесь возникают определённые противоречия с п. 3 ст. 14 Закона Российской Федерации от 07.02.1992 г. № 2300-1 «О защите прав потребителей», где записано, что «вред, причинённый вследствие недостатков товара, подлежит возмещению продавцом или изготовителем товара по выбору потерпевшего» [10]. Разрешать подобные коллизии, по мнению А. А. Головиной, дол-

жен суд. А как же быть, если «источником повышенной опасности» выступает РСИ? В данном случае возникает новая конструкция (модель) правоотношения, когда его объект одновременно является субъектом. Я бы не стал с кондачка решать этот сложнейший вопрос до конца, но в качестве гипотезы предложил уже упомянутый вывод: РСИ несёт солидарную ответственность вместе с инвесторами, разработчиками и пр. заинтересованными лицами.

В заключение хотелось бы обратить внимание на один существенный вопрос. Исследователи цифровизации, мне кажется, «подзабыли», что этот процесс затронул и всех частных лиц (население), которые должны грамотно осуществлять сбор и представлять цифровые документы, в том числе электронные доказательства в суде и других органах, пользоваться сведениями в «Электронных трудовых книжках», электронными сервисами Пенсионного фонда, официальными сайтами налоговых и других государственных учреждений и органов местного самоуправления. И во всех случаях очень важно, чтобы поступающая и получаемая информация соответствовала следующим требованиям: отражала реальную (материальную и духовную) действительность; обладала полнотой, точностью, достоверностью и доступностью для адресатов; четкостью и определённой фактической и юридической «данности». Поэтому достижение истины в любом юридическом деле является универсальной закономерностью праведности и справедливости его разрешения.

Ссылки

1. Туликов А. В. Зарубежная правовая мысль в условиях развития цифровых технологий // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2016. № 3. С. 235–243.
2. Талапина Э. В. Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал российского права. 2018. № 2. С. 5–17.
3. Солдаткина О. Л. Особенности цифровой среды и субъекты // Государство и право. 2019. № 12. С. 113–123.
4. Ehrlich E. Grundlegung der Soziologie des Rechts. Munchen; Leipzig. 1913. 228 p.
5. Хабриева Т. Я. Право перед вызовами цифровой реальности // Журнал российского права. 2019. № 9. С. 5–16.
6. Карташов В. Н., Глазыриина М. А., Климова А. С. Основы этического и правового регулирования искусственного интеллекта и разумного робота // Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия Гуманитарные науки. 2019. № 1 (47). С. 37–41.
7. Карташов В. Н. Теория правовой системы общества: учебник для бакалавриата и магистратуры. М., 2018. 360 с.
8. Юридическая концепция роботизации: монография / отв. ред. Ю. А. Тихомиров, С. Б. Нанба. М., 2019. 240 с.
9. Лаптев В. А. Понятие искусственного интеллекта и юридическая ответственность за его работу // Право. Журнал высшей школы экономики. 2019. № 2. С. 79–102.
10. Российская газета. 1996. 16 янв., № 8.